

Свою первую девушку Косака повстречал в девятнадцать лет, на дворе в то время стояла осень. Она была старше его на два года, познакомил их общий не очень-то дружелюбный знакомый, и они, пустив всё на самотёк, начали встречаться. Её внешность, характер, хобби и умения были совершенно заурядными, сейчас Косака толком бы и не вспомнил её лица. Всё, что осталось в его воспоминаниях, — образ её коротких волос и появляющихся при улыбке ямочек на щеках.

Сразу же при знакомстве Косака решил честно рассказать ей о своей любви к чистоте. Он объяснил, что это может серьёзно воспрепятствовать нормальной жизни, но она просто улыбнулась и кивнула.

— Всё хорошо. Я в некотором роде такая же, так что мы определённо поладим.

Она не обманула и действительно оказалась довольно чистолюбивой девушкой, всегда носившей с собой разную антибактериальную продукцию, часто мывшей руки и два раза в день (в выходные — три) принимавшей душ.

Но по сравнению с Косакой она была не более, чем именно «чистолюбивой». Её сильное внимание к гигиене фактически не имело ничего общего с его компульсиями.

Также у неё была теория, согласно которой даже самые привередливые люди смогут преодолеть большинство преград в отношениях, если будут друг другу доверять. Сколько бы Косака ни настаивал, что доверие тут ни при чём и если он говорит, что «не может», то не может на самом деле, она контраргументировала его речи тем, что он просто ей не верит. Отсутствие с его стороны желания поцеловать её или тем более взяться за руки она считала проявлением недостаточной любви к себе и, будучи убеждённой в собственной правоте, прислушиваться к словам Косаки, чтобы понять куда более фундаментальную проблему, не хотела.

Их в некотором роде схожие личности сыграли с ними злую шутку. Она была уверена, что понимает его брезгливость, и оттого гордилась своей любовью к чистоте. Однако действия Косаки, выбивавшиеся за рамки её понимания (будь то споласкивание магазинной мелочи по приходе домой, выбрасывание ручек, которыми он делился с одноклассниками, или прогул школы из-за моросящего дождя), она считала не проявлением страха перед грязью, а особенностью его характера.

Плохим человеком она не была, просто у неё совершенно отсутствовало воображение. То, что их отношения продлились три месяца, можно назвать разве что чудом. Расставшись с ней, Косака больше никого себе не нашёл. Его первая и последняя любовь. Впрочем, вполне возможно, что то была и не любовь вовсе.

Хидзири Санаги пришла в два часа дня. Звонок интеркома сопровождал звук, похожий на пинок в дверь, которую Косака, отперев, открыл. Перед собой он увидел Санаги, запустившую руки в карманы своего кардигана и недовольно скривившую губы.

— Почему не оставил дверь открытой? Хочешь, чтобы меня кто-нибудь заметил?

— Моя вина, — извинился Косака.

— Надеюсь, деньги ты приготовил?

Он вручил ей конверт, который Санаги тут же открыла, дабы на месте пересчитать содержимое, и, закончив, положила себе в сумку.

— Как и договаривались... — она ухмыльнулась. — Давай дружить.

— Да, давай, — вежливо ответил Косака. — Кстати, пока ты ещё не вошла в комнату, я хотел бы тебя кое о чём...

Он собирался попросить её подождать, чтобы он влажными салфетками протёр открытые участки её тела, но было уже слишком поздно. Санаги сбросила свои лоферы, проигнорировала приготовленные для неё тапочки и, пройдя в гостиную, уселась на кровать, как на свою собственную. Косака чуть не вскрикнул.

— Подожди, только не на кровать, пожалуйста, — взмолился он и, указав на своё рабочее кресло, добавил: — Пересядь сюда.

— Не хочу.

Просьба оказалась тщетной. Санаги животом вниз разлеглась на его постели, положила под подбородок подушку и принялась читать вытянутую из сумки книгу. Хуже не придумаешь. Когда она уйдёт, ему придётся тут же постирать простыню и наволочку.

— Да, долго ты планируешь здесь оставаться?

— Примерно два часа, — ответила девушка, не отрывая взгляда от книги.

— Э-эм... а что всё это время делать мне?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Создай компьютерный вирус, или чем ты там занимаешься?

Затем она надела наушники и начала слушать музыку, не выказывая никаких намерений завести с ним разговор.

Косака сел в кресло, отвернулся от кровати и открыл начатую на днях книгу. Настроения на чтение у него совсем не было, но он не знал, чем ещё себя можно занять. Прочитав несколько страниц, он услышал доносящиеся у него из-за спины чирканья зажигалки, обернувшись на которые увидел пытавшуюся поджечь сигарету Санаги.

— Никаких сигарет, — предупредил он, торопливо поднявшись с места и нагнувшись к её уху. — Пожалуйста, воздержись от них, пока находишься в этой комнате.

— Да чтоб тебя...

Санаги с неохотой захлопнула зажигалку и вернула в пачку вытащенную изо рта сигарету. Косака облегчённо вздохнул. Как можно было положить в пачку сигарету, которую ты уже взяла в рот? Разве она не находит это негигиеничным? Впрочем, относиться она к гигиене так же, как я, то вряд ли бы вообще стала курить.

Будучи осведомлённой о запрещающих курение правилах, Санаги опять уткнулась в книгу. Косака пытался подсмотреть, что она читает, но шрифт был слишком мелким, а обложку покрывал кожаный переплёт.

Косака вернулся к чтению. Сконцентрироваться на написанном он, однако, не смог и, бесцельно водя глазами по странице, задумался о совсем не относившихся к содержанию книги вещах.

В конце-то концов, для чего этот Идзуми меня нанял? Какую роль я должен исполнить? Он хотел, чтобы я присмотрел за ребёнком. А затем сказал подружиться с Хидзири Санаги. Судя по всему, она ещё и не из тех, кто ответственно относится к школе. Отсюда было бы логично предположить, что я — «некто, кто как друг может помочь прогуливающей занятия Хидзири Санаги вернуться к учёбе».

Но тогда становятся непонятными слова «подходит или нет». Невозможно представить, что бы меня выбрали «подходящим» на роль нравоучителя для забросившего школу подростка. Я чертовски плохой кандидат, хоть Идзуми и посчитал иначе.

Или мне стоит смотреть на вещи проще? Может, родители Хидзири Санаги потворствуют дочери, закрывая глаза на её прогулы, и нанимают людей, с которыми ей не будет скучно проводить время. При таком раскладе «пригодность» означает непригодность к обществу, которой отличается и Санаги. Это, что удивительно, ещё больше похоже на правду.

Но оставлять несовершеннолетнюю девушку под присмотром двадцатисемилетнего мужчины в любом случае неправильно. Родители Санаги понимают, что она сидит в моей комнате? Возможно, Идзуми выбрал именно меня, так как знал о моей чистоплотности, из-за которой я ни за что не притронулся к женщине. Такая мысль имеет право на жизнь. Я и пальцем не трону Хидзири Санаги, даже если меня попросят. Может, «пригодность» заключается и в этом.

Прошло около часа. Дождавшись момента, когда Санаги снимет наушники, Косака спросил:

— Хей, Хидзири-тян, как думаешь, чего Идзуми от меня ждёт?

— Понятия не имею. Может, он думает, что ты сможешь меня перевоспитать? — сказала Санаги, перевернувшись на кровати. — А ещё больше никогда не называй меня «Хидзири-тян». Мерзость.

— Мне было сказано присмотреть за тобой, но в чём конкретно заключаются мои обязанности?

— Ни в чём, — холодно отрезала Санаги. — Лучше всего просто продолжать обманывать Идзуми, пока он не сдастся. Не думай, что я и правда хочу с тобой поладить и подружиться. Это всё равно невозможно.

— ... Понял, — Косака кивнул. Звучит наиболее благоразумно.

— О, кстати, — добавила она, — полагаю, нам нужно обменяться контактами. В противном случае Идзуми найдёт нашу дружбу неестественной.

Поморщившись, Косака взял протянутый девушкой смартфон.

— Добавься.

Косака послушно записал свой номер. В списке контактов, как он в некоторой степени и ожидал, числилось лишь три человека. Более того, их номера не были подписаны именами. Девушка не из общительных.

Закончив, Косака тихо протёр руки дезинфицирующим средством. Неизвестно, какая зараза может быть на чужих вещах. Особенно на тех, которыми люди пользуются ежедневно.

Когда два часа прошли, Санаги закрыла книгу, вернула её в сумку и ушла, а Косака сразу же бросил постельное бельё в стиральную машину и принялся убираться, после чего около часа

простоял под душем.

Уходя, Санаги предупредила: «Завтра я приду около шести вечера». Это не смешно. Косака повесил голову. Если так будет продолжаться, его святые земли окутает скверна. Разве никак нельзя это предотвратить? Идеальным, по мнению Косаки, решением было бы просить Санаги, прежде чем заходить в гостиную, принимать душ и переодеваться в чистую одежду, однако подобная просьба её лишь разозлит и приведёт к лишним разногласиям.

В конце концов ничего дельного он не придумал, и на протяжении следующих двух дней Санаги распространяла грязь по всей его комнате. Делала она это наверняка не умышленно, но исход был один: у Косаки начали сдавать нервы, из-за чего он не мог уснуть по ночам. Его комната теряла статус священного места. Санаги всегда ложилась в центр кровати, поэтому он стал спать с краю и, пока искал пригодную для сна позу, множество раз чуть ли не падал на пол.

Быть может, расскажи он ей о том, что является маньяком чистоты, Санаги и стала бы вести себя более сдержанно, однако после расставания со своей девушкой Косака никому этого не раскрывал. Более того, он прикладывал немало усилий, чтобы не совершать ничего компульсивного при посторонних. Старания эти оказывались вполне успешными; не все прошлые коллеги по работе догадывались о его болезни и воспринимали Косаку просто как вечно опаздывающего и необщительного человека.

Ему в голову никогда не приходили мысли в духе «если бы все вокруг знали, что я маньяк чистоты, то жить бы мне стало немного легче». Не то чтобы это было упрямством. Просто люди с обсессивно-компульсивным расстройством всегда скрывают от других проявления своего недуга.

Осознание собственной ненормальности — отличительная черта этого заболевания. Больные не пытаются добиться понимания окружающих. Ибо понимают, что обычным людям их понять не суждено. Но, несмотря на объективность к самим себе, избавиться от компульсий они не могут. Разумные соображения бессмысленны. Эффективными методами лечения считаются фармакотерапия с использованием селективных ингибиторов обратного захвата серотонина и техника конфронтации с подавлением тревожной реакции, однако во время обучения в колледже Косака испробовал обе методики, и его состояние лишь ухудшилось.

Он не знал, заметила Санаги его расстройство или нет. Время от времени она, почувствовав запах антисептика, жаловалась на больничный запах, но на этом всё и заканчивалось.

Вопреки своей вызывающей внешности, Хидзири Санаги была книжным червём. Похоже, интереса к романам или стихам она не питала, поскольку не читала ничего, кроме технической литературы и научных журналов. Однажды, когда девушка заснула в процессе чтения, Косаке удалось украдкой заглянуть в её книгу, которая, как оказалось, описывала паразитозы.

Позже ему нередко выпадала возможность посмотреть, что читает Санаги, и он понял, что девяносто процентов её книг посвящены паразитам. Судя по всему, к ним она испытывала особенный интерес.

Косака вспомнил «Любительницу гусениц» из сборника «Повесть советника Цуцуми». Прочитал он эту историю в старшей школе, а рассказывалось в ней о странной девушке благородного происхождения. Одарённая красотой, она не использовала косметику и не

чернила зубы, а всё свободное время предавалась рассматриванию гусениц. Подходящее прозвище для читающей только литературу о паразитах Санаги, к которой Идзуми относился как к принцессе.

Серебристые волосы, проколотые уши, короткие юбки, сигареты и паразиты. С точки зрения Косаки, всё это было символами нечистот, а Хидзири Санаги — воплощением их всех вместе взятых. В то же время Санаги изначально не проявляла к Косаке никакого интереса и ничего, кроме предоставляемой для убийства времени комнаты, от него не ожидала. Сидели они рядом, но друг от друга их ограждала высокая толстая стена.

С их первой встречи прошла неделя.

Позвонив через интерком, девушка, как правило, сразу же заходила в квартиру, однако сегодня всё было иначе. Дверь не сдвинулась с места, даже когда исчезло эхо звонка, оттого Косака и сделал вывод, что гостем была не Санаги.

Подойдя к двери, вместо неё он увидел Идзуми. Тот снова был одет в накинутое поверх костюма пальто покроя Честерфилд, на его лице выступала свидетельствующая о пренебрежении к бритью щетина, а волосы всё так же имели жирный блеск.

Косака молча впустил Идзуми внутрь и закрыл за ним дверь. Далее аккуратно, чтобы не прикоснуться к гостю, обошёл его и, повернувшись спиной к гостининой, встал напротив.

— Похоже, ты и вправду нашёл общий язык с Хидзири Санаги, — Идзуми, сложив руки на груди, похвалил Косаку. — Я с самого начала думал на тебе крест ставить, однако ты здорово поработал.

— Спасибо, — ответил Косака. О взятке он решил умолчать.

— Хотелось бы узнать для справки, как тебе это удалось? По-моему, банально дать ей почувствовать себя комфортно — то ещё мытарство.

— Я просто попросил её стать моим другом, — зевая, сказал Косака. После всех бессонных ночей у него затуманилось зрение и онемела голова.

— И?

— И всё.

Идзуми нахмурил брови.

— Эй, ты же сейчас смеёшься надо мной, да? Лишь это заставляло Хидзири Санаги приходить к тебе домой?

— Зачем мне врать? — с напускным невежеством спросил Косака. Идзуми фыркнул.

— Не знаю, как ты этого добился, но твой результат дорогого стоит. Хотя ты и никчёмный безработный преступник, тебе бы удалось преуспеть в похищении девушек с целью вымогательства, — он издевательски зааплодировал. — Ладно, перейдём к твоей следующей миссии.

Не найдя подходящих слов, Косака потупил глаза. Следующей миссии? Налаживание

дружеских отношений с Санаги было только началом? Не говорите мне, что после этого задания будет ещё одно, и ещё, и ещё...

Идзуми перешёл к сути.

— Разузнай о переживаниях Хидзири Санаги. Сделай всё так, чтобы она сама решила с тобой ими поделиться. Я не хочу, чтобы ты добыл эту информацию силой.

— Переживаниях? — уточнил Косака. — Они ей не чужды?

— Конечно нет. Как и всем людям. И особенно девушкам её возраста. В широком смысле переживать — это их работа.

— В широком смысле да, но...

— Только учти, я не хочу, чтобы ты узнал, что в последнее время у неё испортилась кожа, лунки на ногтях больше, чем у других людей, или что складки на веках правого и левого глаза разных размеров — такие банальные вещи меня не интересуют. Всё, что тебе нужно выяснить, — это причину, по которой она перестала ходить в школу.

Косака на секунду задумался

— Разве это не из-за того, что школа её просто-напросто раздражает, например?

Идзуми ухмыльнулся, однако от улыбки этой веяло агрессией.

— Как я и думал. Ты так чувствителен к собственной боли, но в то же время на боль других тебе наплевать. Вот ты какой, — сказал он, одарив Косаку циничным взглядом. — Я кое-что для тебя уточню. Хидзири Санаги — куда более нормальная девушка, нежели тебе кажется. И если нормальная девушка одевается во что-то ненормальное или чем-то ненормальным занимается, то это наводит на мысль, что что-то ненормальное происходит в её голове, — Идзуми приблизился к Косаке и тоном, не допускающим возражений, добавил: — И ещё одно предупреждение. Если ты попытаешься меня одурачить или навредишь Хидзири Санаги, то приведёт это не только к разглашению информации о вирусе. Ты окажешься в такой стрессовой ситуации, с какой ранее никогда не сталкивался. Заруби себе это на носу.

Косака покорно кивнул.

Однако спустя всего лишь несколько часов вред Хидзири Санаги он всё же, хоть и непреднамеренно, причинил.

Стоило Идзуми уйти, как на его месте тут же оказалась Санаги. Даже не бросив взгляда на Косаку, хозяйина комнаты, она разлеглась на уже ставшей её кровати, подложила подушку под голову и открыла книгу. Я ощущаю себя привязанным к этому месту призраком, — подумал Косака. — Может быть, я дух человека, что совершил в этой комнате самоубийство, но ещё не осознал своей смерти? Владелец квартиры уже давно является Хидзири Санаги, и это она принимает меня как гостя. Интересная идея.

Однако вечно исполнять роль призрака Косака не мог, ибо теперь ему было необходимо узнать причины прогулов Санаги. Он каким-то образом должен начать диалог, искусно перейти к обсуждению школы и заставить её естественным образом всё рассказать.

Пока Косака обдумывал детали разговора, он неумышленно сфокусировал взгляд на Санаги. Та сняла наушники, повернула голову и агрессивно спросила:

— Чего тебе? Что-то сказать мне хочешь?

— Ничего такого, — Косака торопливо отвёл взгляд и в качестве извинения сказал первое, что пришло ему в голову: — М-м, просто я заметил, что сегодня на тебе снова та серёжка.

— Серёжка?

— В прошлый раз она показалась мне довольно милой. Вот и всё.

Санаги подозрительно моргнула и, будто до текущего момента не подозревая об украшении, дотронулась до него, нежно прислонив руку к мочке.

— Хочешь посмотреть поближе?

— ... Нет, мне и отсюда видно.

— Как знаешь, — Санаги надела наушники и вернулась к чтению.

Предложение девушки взглянуть на серьгу стало неожиданностью. Учитывая её обычное поведение, она должна была либо проигнорировать его фразу, либо ответить на неё каким-нибудь ругательством.

Косака задумался. Возможно, эта синяя серёжка в форме цветка имеет для Санаги особое значение, и ей приятно, когда кто-нибудь обращает на неё внимание.

По правде говоря, серьги Косака недолюбливал. Прокалывание собственного тела он считал чем-то немыслимым, равно как и ношение в созданном отверстии инородных предметов, наверняка способствующее распространению бактерий. Каждый ли день она их вынимает и дезинфицирует?

Относилось это не только к серёжкам; похожие ощущения он испытывал и к наручным часам, смартфонам, рюкзакам, очкам и наушникам. Есть ли смысл ежедневно принимать душ, если все твои вещи до единой грязные?

Сидя в кресле, Косака повернулся к Санаги спиной, собрался с мыслями и начал думать, как завести разговор. Если он сразу перейдёт к сути, то девушка наверняка поймёт, что инициатором разговора является Идзуми. Как мне аккуратно свести обсуждение к этой теме? Я с ней толком даже никогда и не общался.

А затем Косака взглянул на проблему с другой стороны. Нет смысла делать всё так, как говорит Идзуми. Один раз я его уже обманул — обману и второй, разницы особой нет. Я могу всё честно рассказать Санаги, обсудить детали и заплатить ей за сотрудничество. Что может быть проще?

Он встал с кресла и наклонился к девушке.

— Санаги, я хочу с тобой кое о чём поговорить.

— Что на этот раз? — она опустила наушники на шею и подняла голову.

— Сегодня Идзуми дал мне новое задание. Я должен как бы невзначай вызнать у тебя, почему

ты не ходишь в школу.

— ... И?

— Не поможешь? Правду говорить необязательно, сгодится любая убедительная причина.

Нависла раздражающая тишина. Ответ Санаги прозвучал после значительной задержки, словно Косака разговаривал не с ней, а с виртуальным помощником, находясь при этом в почти лишённом связи месте.

— Он сказал узнать это как бы невзначай, правильно? — Санаги отвернулась. — Почему бы тебе так и не поступить?

— Не думаю, что у меня получится, поэтому и спрашиваю напрямую. Я заплачу.

— Я не хочу отвечать, — откровенно сказала Санаги.

— Можешь соврать.

— И врать не хочу.

Иными словами, кооперироваться она не собиралась. Косака подумал, что бы ещё он мог попробовать, но вскоре сдался и сел обратно. Не торопись. Может, она сегодня просто не с той ноги встала. Буду углубляться — только сильнее её разозлю. Спрошу ещё раз в другой день.

В какой-то момент Косака заснул; всему виной, скорее всего, была депривация сна;

Сквозь сон он почувствовал на своём плече некое ощущение. Поначалу Косака списал всё на обычный зуд, однако оно становилось сильнее и сильнее. Будто в плечо тыкал чей-то палец.

Чей-то палец?

Его волосы встали дыбом.

Всё произошло рефлексивно. Отбивая тыкавшую в него руку, он почувствовал, как чрезмерно длинный ноготь его указательного пальца прошёлся по чьей-то коже. Тихий стон тут же заставил его проснуться.

Санаги скорчила лицо от боли, а свою правую ладонь поднесла к поцарапанной Косакой правой щеке. Когда она убрала руку, он увидел порез в сантиметр длиной, из которого вытекала тёмно-красная струйка. Заметив испачкавшие пальцы кровь, девушка медленно перевела взгляд на Косаку.

Я опять себе это позволил, — подумал он.

— ... Я лишь пыталась сказать, что уйду, — безэмоциональным голосом проговорила Санаги.
— Ты настолько не хочешь, чтобы я к тебе прикасалась?

Косака торопливо извинился, но Санаги его не слушала. Кинув на него презрительный взгляд, она схватила свою сумку и, хлопнув дверью, ушла.

Какое-то время он просто стоял. В ушах не переставал гудеть звук захлопнувшейся двери. А затем Косака кое-что вспомнил; забрав с кровати простыни и наволочку, он пошёл в ванную,

разделся и, положив все грязные вещи в машинку, запустил стирку, после чего встал под душ.

Наверняка она больше никогда сюда не придёт.

Говорить про свою помешанность на чистоте было уже поздно. Произошедшее — реакция, проявляемая абсолютно ко всем, не только к дотронувшейся до него Санаги. Расскажи он девушке всю правду, она бы всё равно могла счесть это плохим оправданием... но даже это было лучше, чем отсутствие объяснений вообще. Вполне возможно, что со временем она бы осознала, как всё это сказывается на действиях и поведении Косаки, и всё бы поняла...

Однако эту возможность он уже упустил. Всё кончено, — думал он. — Идзуми не спустит мне с рук причинение Санаги как физической, так и эмоциональной боли.

Приняв душ и вернувшись в комнату, Косака замер. Из-за потерянного ранее рассудка он не заметил нескольких капель крови на полу, которые, должно быть, попали туда из царапины на лице Санаги. Он присел на корточки, чтобы лучше их рассмотреть.

Поскольку людей Косака считал символом нечистоты, к крови он испытывал особо сильное отвращение. При обычных обстоятельствах он бы без раздумий вытер эти пятна, но сейчас по какой-то причине чувствовал, что они должны остаться. Не то чтобы в качестве «наказания»; более подходящим термином ему казалось «поминование», хоть он и не знал, почему.

Косака сидел в кресле и не сводил взгляда с пятен. Зачем всё это? — подумал он. — Подумаю о чём-нибудь более увлекательном.

... Да, о «Тихой Ночи», например. Этот червь уже распространился по всем уголкам телефонной сети. Что бы со мной ни произошло, силу «Тихой Ночи» никто не остановит. Даже если Идзуми сейчас же побежит в охранную фирму, они вряд ли смогут что-либо исправить. Двадцать четвёртого декабря червь активируется, вследствие чего множество смартфонов по сути выйдут из строя. Улицы будут забиты людьми, не сумевшими встретиться со своими друзьями. На душе у него потеплело.

Обычным розыгрышем это не назвать. Хоть в «Тихую Ночь» и была вшита функция разблокирования передачи данных при наборе номера экстренного вызова, всё равно найдутся люди, жизнь которых стараниями Косаки будет разрушена. Речь может идти даже о смерти. Если его преступление раскроют, он возьмёт на себя тяжкий грех.

Но не всё ли равно? — решительно подумал Косака. — Мне нечего терять.

В его голове не осталось ни одного радостного воспоминания.

За следующие несколько дней жизнь Косаки приняла ещё более упаднический характер, нежели обычно. К компьютеру он не притрагивался, лишь тихо спал на краю кровати и ждал, когда его настигнет правосудие, изредка прерываясь на уборку и ритуалы мытья рук. Процесс приёма пищи стал для него рутинным, и ничего, кроме воды и функциональных продуктов питания, он не потреблял. На четвёртый день еда кончилась и он перешёл исключительно на воду. Пятна крови Санаги по-прежнему оставались на видном месте.

Из-за расстройства Косаки окружающие страдали и раньше. Он уже много раз совершал одни и те же ошибки. Так много, что уже не сосчитать. По понятным причинам люди от него отворачивались, однако куда больше боли ему приносили случаи, в которых он совершал грубость по отношению к тем, кто со всей душой протягивал ему руку помощи.

Без исключения все выражения их лиц выжигались на памяти Косаки. Окажись то обычное недоразумение, заставившее людей злиться или ненавидеть его, он мог бы просто заткнуть уши и испытать чувство стыда, однако от вины, следующей за подобной реакцией на банальное проявление доброты, не избавит даже самый лучший доктор, время.

Обычно Санаги уходила, не проронив при этом ни слова, поэтому её попытки разбудить Косаку для прощания могли означать, что после высказанной в сторону серёжки похвалы она решила открыть ему своё сердце. Если всё и правду так, то я просто растоптал все её благие намерения.

Сколько это ещё будет продолжаться? — задумался он.

— Пока я сплю, кто-нибудь может убить меня и положить этому конец, — проговорил он вслух. С капризом озвученная идея казалась ему наиболее правильной. Никаких сомнений, именно этого я и хочу.

Тогда ради чего я прожил эти двадцать семь лет?

Может, всё это время я искал способ умереть? Способа жить не нашёл, так что хотя бы сам решу, как встретить смерть. А если эта теория верна, то я в любой момент могу опробовать свои размышления на практике.

Косака представил кристально-чистую картину. Он просыпается в школьном лазарете. В комнате темно. Вокруг тишина. Небо затянуто облаками. Идёт снег. Похоже, он тут совершенно один, однако его не отпускает ощущение, что буквально мгновение назад тут кто-то был. Он прислушивается. Издалека доносятся чьи-то шаги и скрип дверей. Сколько я спал? Неужели весь день? Ему становится не по себе, он кидает взгляд на часы. Беспокоиться не о чем, сейчас только четыре вечера. Можно лечь спать дальше. Успокоившись, он ложится обратно в кровать, закутывается в одеяло и медленно закрывает глаза.

Чтобы больше никогда не открыть их вновь.

Надеюсь, так я и умру.

С тех пор, как Санаги перестала приходить к Косаке домой, прошло четверо суток. Десятого декабря во второй половине дня раздался звонок. Услышав мелодию, Косака машинально схватил смартфон и, увидев отображающееся на экране имя «Хидзири Санаги», тут же нажал на кнопку вызова.

— Привет, — сказал он.

Ответа не последовало. Стоило Косаке засомневаться в исправности телефона Санаги, как она наконец заговорила.

— Я под мостом Сагаэ.

Косака порылся в воспоминаниях. Судя по всему, так назывался мост, соединяющий центральную часть города и жилой район, в котором находилась его квартира.

— И? — спросил он.

— Встреть меня.

Может, виной всему была телефонная связь, но её голос казался слабым, лишённым привычной агрессии.

— ... Прости, но я не могу просто взять и выйти на улицу.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы ты пришёл. Пожалуйста.

Косака уже не был до конца уверен, что разговаривает именно с Хидзири Санаги. Он просто не мог поверить, что эта девушка может быть такой благой.

— Хорошо, — нехотя согласился он. В ситуации Косака не разобрался, но мог с уверенностью сказать, что отлагательств она не прощала. — Я сейчас же выйду. Думаю, на месте буду минут через тридцать.

— ... Спасибо, — тонким голосом поблагодарила Санаги.

Повесив трубку, Косака надел на лицо маску, натянул на руки латексные перчатки, проверил наличие в рюкзаке антибактериальных салфеток и, полностью подготовленный, вышел из квартиры.

По причине вечно занавешенных окон он не мог привыкнуть к освещавшим улицу тусклым солнечным лучам. Отражавшееся от укутавшего землю снега солнце кололо глаза. Из-за атрофированных мышц исхудавшее за предыдущие несколько дней нездорового образа жизни тело казалось невыносимо тяжёлым.

Мост Сагаз был уже близко. Пешим ходом Косака потратил в несколько раз больше времени, чем могла бы занять десятиминутная поездка на автобусе. Спустившись к набережной и пройдя вдоль тротуара, он заметил скорчившуюся возле мостовой опоры фигуру.

— Санаги, — произнёс он, остановившись рядом. Девушка медленно подняла голову.

Даже в тени под мостом было отчётливо видно, насколько болезненно выглядит её лицо. Вся шея девушки помокрела от пота, хотя на дворе стояла середина декабря.

— Тебе нехорошо?

Санаги покачала головой. Похоже, жест значил «нет, но это тяжело объяснить».

— Стоять можешь?

Она молчала. Вызвано это было, скорее всего, отсутствием уверенности в собственном ответе, а не нежеланием отвечать.

— Не спеши, — с беспокойством за девушку сказал Косака. — Я подожду, пока тебе не станет лучше.

Косака нервно присел в полуметре от Санаги. На самом деле ему хотелось как можно быстрее покинуть это влажное застойное место, но он считал, что в текущей ситуации заставлять её торопиться будет слишком жестоко.

Прошёл час, и Санаги наконец встала. Косака поднялся вслед за ней, и она аккуратно взялась за рукав его пальто. С таким уровнем косвенного контакта справиться он мог.

Они начали идти. Косака вдруг понял, что нигде не было наушников, которые Санаги прежде всегда носила с собой. Возможно, именно из-за этого сегодня она выглядела такой незащищенной.

Через некоторое время после прибытия в квартиру Санаги, обхватив колени, села на кровать. Косака попытался узнать, не хочет ли она выпить чего-нибудь горячего, но ответа не последовало. Вскоре начало садиться солнце, и, когда он потянулся к выключателю, Санаги попросила не включать свет, и Косака опустил руку.

Прошло ещё около часа. За окном окончательно стемнело. Вся квартира погрузилась в смольно-чёрный цвет, если не считать режущего яркостью глаза монитора и лампочек на роутере.

Санага молча встала и щёлкнула по выключателю; темнота исчезла, каждый угол комнаты залился бледным искусственным светом. Затем она вернулась на кровать и, как всегда, легла на неё, подперев подбородок подушкой.

— Что произошло? — спросил Косака.

Санаги хотела было повернуться к нему лицом, но на полпути передумала и упёрла подбородок обратно в подушку.

— Ты по какой-то причине не можешь вернуться домой, верно?

— Ага... — призналась Санаги после длительной паузы. — М-м... Я боюсь смотреть людям в глаза.

— В смысле?

Неуверенным голосом Санаги начала объяснение.

— Это показывает мою чрезмерную неуверенность в себе. И мне это абсолютно понятно, но легче от этого не становится. Мне кажется, что каждый человек, которого я встречаю, смотрит именно на меня. Но как бы... проблема не в самих взглядах... Понимаешь, когда ты думаешь «На меня кто-то смотрит», то и ты начинаешь смотреть в сторону ощущаемого взгляда, верно? В этот момент смотревшие наверняка в совершенно другое место люди тоже начинают смотреть на тебя. И когда происходит этот зрительный контакт... мне становится так жутко, это не описать словами. Словно кто-то топчет в твоём доме грязными ботинками и параллельно роется в шкафах и ящиках — вот такое чувство дискомфорта я испытываю.

Её слова застigli Косаку врасплох. Он лишь сейчас понял, что с их первой встречи и до текущего момента они толком не смотрели друг другу в глаза. Бесчисленное множество раз их взгляды на мгновение пересекались, но это ни разу нельзя было назвать «зрительным контактом». Санаги продолжила:

— Но это не означает, что я должна ходить по улице с закрытыми глазами или перестать выходить из дома, так ведь? Методом проб и ошибок я выяснила, что подавить симптомы можно, делая ставку на определённые предметы одежды. Я много чего перепробовала... что удивительно, наиболее эффективными оказались не очки, не маска и не шапка, а наушники.

— А... — понимающе кивнул Косака. — Так вот почему ты всегда их носишь.

— Да. Прикрываю уши, потому что боюсь смотреть людям в глаза. Что за бессмыслица, хах, — Санаги усмехнулась сама над собой.

— Не скажи, — Косака покачал головой. — Кажется, я понимаю.

Он не врал. Косака на собственном опыте хорошо испытал, насколько нелогичными могут быть компульсии, к тому же о скопофобии он слышал не в первый раз. В процессе чтения книг о мизофобии он узнал и про другие компульсивные расстройства. Хотел он того или нет, Косака вычитал про людей, не способных ходить по людным местам без наушников, и про тех, кто испытывает страх, ощущая на себе чужие взгляды, но при этом целенаправленно странно одевается и красит волосы в яркие цвета.

В некоторой степени он мог их понять. Причина, по которой наушники в заглушении скопофобии Санаги имели больший эффект, нежели солнечные очки или хирургические маски, наверняка заключалась в том, что подавление слуха размывало ощущение реальности. Яркие волосы и вызывающая одежда вполне могли являться слоями защиты её хрупкого сердца или элементами для создания напущенного образа. Как для избегания хищников муха мимикрирует под осу, так и Санаги ведёт себя как хулиганка (хоть это и может привлечь лишние взгляды), чтобы уменьшить количество зрительных контактов.

— Понимаю... — повторил он. — Скопофобия... Я ничего не замечал, пока ты мне рассказала. У тебя хорошо получается её скрывать.

— ... Может, от тебя и получается, но с другими людьми не всё так гладко, — Санаги бросила взгляд на Косаку и потом отвернулась обратно. — Ты не пытаешься смотреть людям в глаза, когда говоришь с ними, я права?

Абсолютно права. Конечно, до скопофобии Косака ещё не дошёл, но у него также возникали проблемы, когда дело доходило до зрительного контакта (естественно, причина заключалась не в том, что он находил пугающими взгляды других людей. Он лишь не хотел вглядываться в их грязь).

В этот момент он наконец-то понял, что подразумевал Идзуми под «пригодностью». Эта девушка могла поладить только с трусом.

С тем, кто побоится заглянуть ей в глаза.

Санаги медленно перешла к рассказу об обстоятельствах, спровоцировавших её звонок Косаке.

Сегодня днём она, как и всегда, направилась в библиотеку. Вернув взятую ранее книгу и думая, какую почитать на этот раз, она внезапно заметила, что симптомы её скопофобии проявлялись не так сильно, как обычно. Возможно, ежедневные визиты к Косаке стали оказывать свой эффект.

Она остановилась и задумалась. Если я иду на поправку, то почему бы не почитать прямо здесь, в библиотеке? Выходной день, посетителей много. Может, от такого количества раздражителей тренировка станет лишь эффективнее?

Санаги села на свободное место и открыла книгу. Поначалу у неё не получалось сфокусироваться на тексте из-за взглядов, являвшихся исключительно плодами её воображения, но постепенно ей удалось собраться и сосредоточиться на написанном.

Прочитав около половины, она решила взять перерыв. Дабы слегка размяться, она поднялась и пошла в сторону книжных шкафов. Ей нравилось без особой на то причины бродить по библиотеке, снимая с полок различные неинтересные книги и просто рассматривать переплёт и форму, ощущать их вес и запах, водить руками по страницам.

Не прошло и трёх минут, как она вернулась к своему креслу и заметила пропажу одной важной вещи. Нигде не было наушников, ранее оставленных на спинке.

Санаги торопливо осмотрелась. Книга, которую она читала, равно как и все остальные её вещи, по-прежнему лежала на сиденье, поэтому вероятность того, что её наушники посчитали забытыми и отнесли библиотекарю, можно было исключить. Их украли.

Она проклинала свою беспечность. Как можно было их оставить? Как можно было пренебречь вещью, без которой я не могу ходить по людным местам или стоять в поезде?

Санаги положила книгу в сумку и неуверенным шагом покинула библиотеку. Дойти до дома пешком, потратив час, или вытерпеть поездку на поезде? Оба варианта одинаково неприятны. Надо смотреть на вещи с оптимизмом, — сказала она сама себе. — Воспринимай это как шанс. Справишься с этим испытанием — уверишься в том, что расстройство отошло на второй план.

Однако не прошло и пяти минут, как её сердце разорвалось в клочья. Она забыла, как правильно и насколько быстро передвигать ногами, куда смотреть, каким должно быть выражение лица, насколько сильно размахивать руками. Чем больше Санаги об этом думала, тем более неуклюжей она себя чувствовала и тем сильнее обострялась её скопофобия. Она сошла с дороги, спустилась по лестнице и, спрятавшись под мостом, схватилась за соломинку — позвонила Косаке.

На этом её история подошла к концу.

— ... Я думала, что иду на поправку, — прошептала Санаги.

Косака услышал всхлипывание.

Ему были до боли знакомы сопровождающие подобные приступы чувство нарастающего страха и потеря уверенности в себе. Также он знал, что утешения в такой ситуации словами не достичь, и поэтому молча дал Санаги выплакаться.

Вопреки его ожиданиям, она быстро затихла. Вытерев слёзы, девушка глубоко вздохнула, поднялась и присела на край кровати, после чего бросила на Косаку многозначительный взгляд.

Возможно, Санаги чего-то от меня ждёт. Или, может, я сам хочу ей как-то помочь, оттого и интерпретировал этот взгляд именно так. Как бы то ни было, вывод один: я должен что-нибудь сделать, — решительно подумал Косака. — В отличие от меня, она ещё в том возрасте, когда тебе во многом предстоит разобраться; когда ты незащищённый и легкоранимый. Сейчас ей больше всего нужна поддержка.

Он присел рядом с Санаги, робко протянул руку — свою голую руку: перчатки он снял, когда они вернулись в квартиру — и положил её на голову девушки.

В его мозгу тут же всплыли такие отвратительные слова, как «поры», «жирная кожа», «кератин», «стафилококк эпидермальный» и «демодекс фолликулярный», но Косака,

встряхнувшись, отбросил их. Если так хочется, кричи сколько угодно, но лишь после её ухода. Сейчас не время.

Девушка удивлённо подняла голову. Но никакой неприязни не проявила.

Косака неуклюже сдвинул руку, собираясь погладить Санаги.

— ... Не стоит себя заставлять, — вздохнув, сказала она.

— Я и не заставляю, — ответил Косака с улыбкой на лице. Однако через соприкасающуюся с её головой руку Санаги прекрасно чувствовала, как он дрожит.

Косака настойчиво гладил её по голове. Быть может, он думал, что такого шанса ему больше не выпадет, и поэтому сейчас хотел уделить Санаги как можно больше времени.

— Хватит, — произнесла она, но Косака её не слушал.

— Нет, не хватит.

— Ладно, ладно. Мне уже лучше. Перестань меня утешать.

Наконец он убрал руку с её головы.

— Тебя это смутило?

— Ты дурак? — она потрясённо посмотрела на него, не отрицая услышанного. Её голос обрёл часть привычной бодрости.

— Я очень хотел попросить прощения за тот раз, когда поцарапал твою щёку, — извинился он.

— Ещё болит?

— Ничего страшного, — Санаги провела пальцем по затянувшейся ранке. — Пойдёшь в ванную?

— Нет, всё в норме.

— Хах.

Косака посмотрел на свою касавшуюся Санаги правую руку. Та всё ещё слегка дрожала, однако ему удавалось подавлять желание побежать в душ.

— Я хочу рассказать тебе одну весёлую историю, — сказал Косака.

— Весёлую историю?

— Честно сказать, я маньяк чистоты.

— ... Ага. Я знаю.

— Конечно, — Косака сухо улыбнулся. — Окружающих меня людей я поголовно считаю до ужаса грязными. Стоит мне прикоснуться к ним или к вещам, к которым прикасались они, или просто вдохнуть выдохнутый ими воздух, как мне тут же начинает казаться, что я вскоре заболею. Мне лучше, чем кому-либо, известно, что это не более чем проблема восприятия, но я ничего не могу с этим поделать. Я пробовал самые разные методики лечения, но после них мне

становилось лишь хуже.

Он кинул взгляд на Санаги, чтобы посмотреть на её реакцию.

— Продолжай, — попросила она.

— Даже когда я встретил свою первую девушку, я не мог поцеловаться с ней или взяться за руки. Однажды она угостила меня своей стряпнёй. Она хорошо разбиралась в семейного рода делах, да и блюдо было хорошо приготовлено. Но даже несмотря на то, что она все силы вложила в эту еду, — а может, как раз из-за этого, — я чертовски не хотел это есть. Сколько бы я ни пытался сконцентрироваться на еде, мне не удавалось смириться с одной лишь мыслью о том, что она притрагивалась к ингредиентам. Даже пробовать не хотел, честно. Но в то же время я понимал, что будет грубо отказываться от приготовленного ею блюда, поэтому я выкинул из головы все предрассудки и заставил себя приняться за еду. Знаешь, что произошло дальше?

Санаги молча покачала головой, словно давая понять, что даже думать об этом не хочет.

— Меня вырвало прямо у неё на глазах, когда я съел около половины. До сих пор помню выражение её лица. Не прошло и десяти дней, как мы расстались. Мне до сих пор иногда снится тот день, и с каждым сном её еда становится всё более изысканной. А после расставания я больше ни разу не знакомился с девушкой.

— ... Это было не очень-то и весело, — Санаги медленно покачала головой.

— Разве? Не смешно ли как минимум то, что я в свои двадцать семь ещё ни разу не целовался?

Выслушав провальную «весёлую историю» Косаки, Санаги встала с кровати и потянулась. Затем, о чём-то подумав, подошла к полкам и выдавила из диспенсера дезинфицирующее средство. Протерев руки, она надела на них одноразовые латексные перчатки, натянула на лицо маску и повернулась к Косаке.

Не дав ему и шанса спросить, что она делает, Санаги обеими руками схватила Косаку за плечи и прислонилась к его губам своими.

Ему едва удалось почувствовать её мягкие уста через разделяющую их тонкую ткань.

Когда Косака разобрался в намерениях девушки, она уже отпрянула.

— Теперь будешь жить с этим, — сказала Санаги, снимая маску.

Косака, словно лишённая батареек игрушка, сидел молча и неподвижно. Возможно, он даже не дышал.

— Что это было? — наконец спросил он.

— Мне стало жаль тебя, вот и поцеловала. Можешь поблагодарить.

— ... Это очень вежливо с твоей стороны.

Вслед за скомканной благодарностью Косаки Санаги добавила:

— Кроме того, я сама целовалась впервые, так что, полагаю, получилось в самый раз.

Он не мог точно понять, какой смысл она вкладывала в «самый раз», но, судя по её голосу, ничего плохого она в виду не имела.

— ... Ладно. Настало время прощаться.

Санаги встала и взяла свою сумку.

— Одна добраться сможешь? — с беспокойством спросил Косака.

— Ага. Тут недалеко, к тому же людей сейчас меньше.

— Вот как...

По её тону Косака определил, что всё наверняка и вправду будет в порядке.

А затем ему в голову резко пришла одна мысль; он открыл нижний ящик стола, достал оттуда наушники и повесил на шею Санаги.

— Ты уверен? Понимаешь же, что после меня их придётся дезинфицировать — спросила Санаги со слегка взволнованным видом.

— Я больше не планировал их использовать, поэтому можешь забрать себе.

— ... Как знаешь. Ты мой спаситель. Спасибо, — счастливо произнесла Санаги, поднеся руки к наушникам.

— Не за что. Спокойной ночи, Санаги.

— Спокойной ночи, мистер Косака.

Она улыbnулась, глядя ему прямо в глаза.

Когда Санаги ушла, Косака сел в кресло и с закрытыми глазами бесцельно вспоминал произошедшие только-только события, неоднократно у себя в голове повторяя «Если так подумать, то она впервые назвала меня мистером Косакой».

Спустя тридцать минут он резко вспомнил, что до сих пор не начал убираться и не пошёл в душ. Косаке уже давно не удавалось избавиться от своих тенденций к чистоте на столь долгое время.

Что-то внутри меня начинает меняться.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/96696>